

УДК 902+903+908+947+7.03(470.6)

## К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТА НА СЕРЕБРЯНОЙ ПИКСИДЕ ИЗ КОСИКСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

© 2017 г. А.А. Туаллагов

Статья посвящена анализу сюжета на серебряной пиксиде из погребения у с. Косика. Погребение может быть связано с волной азиатских мигрантов аланского круга, который формировался на востоке в тесных контактах с хуннским миром. О таком положении свидетельствуют как материалы погребения, так и изображения на предметах торевтики. Автор интерпретирует изображение на пиксиде на основе данных индоиранской мифологии и осетинского Нартовского эпоса.

**Ключевые слова:** археологические данные, аланы, индоиранская мифология, осетинский нартвовский эпос.

Известное специалистам погребение № 1 «скептуха» у с. Косика, вполне вероятно, принадлежала представителю азиатских мигрантов, которых следует отождествлять с аланами (Туаллагов, 2012.). В данной связи обращает на себя внимание изображение наконечников стрел на серебряных пиксиде и сосуде. Исследователи полагали, что здесь изображены вильчатые наконечники стрел, применявшиеся для охоты на мелкую дичь и птицу. Но справедливо отмечалось, что такое отождествление соответствует сюжету охоты на птиц на пиксиде, однако на сосуде изображено сражение. Поэтому, хоть и менее вероятным, полагалась возможность отождествления со ступенчатыми наконечниками хуннов I в. до н. э.-I в. н. э., которые появятся в Европе в конце IV-V вв. н. э. Но заслуживающим внимание признавалась ранняя находка такого наконечника в погребении из Порогов (Трейстер, 1994.).

Если одни исследователи отмечают, что подобные наконечники могли применяться не только на охоте, но и в боевых действиях, то другие полагают, что находки трехжальных наконечников в наборах стрел в единичных экземплярах может быть обусловлено их не боевым, а ритуальным применением, по типу находок редких наконечников стрел в погребении № 26 грунтового могильника Новолабинского городища. В пользу последнего решение свидетельствует не только наблюдения об их непрактичности, но и сочетание с ритуальным жезлом (Подушкин, 2012; Раев, 2012.; 2012а). Но такое сочетание обкладки жезла из золотой фольги и железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, т. е. типично боевых, что подтверждается отдельным набором стрел возле колчана из того же погребения, обнаружено в сарматском погребении

№ 2 I в. н. э. кургана № 1 могильника Октябрьский-V, что также трактуется как проявление определенных идеологических воззрений и ритуалов (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999. с. 157, 161, рис. 1; Кияшко, Мыськов. 2000. с. 49, 52, рис. 2, 60, рис. 11).

Масштабы и определенная условность изображений на пиксиде и сосуде из Косики осложняют возможность идентификации наконечников. Вместе с тем, более четкое одно из двух изображений на пиксиде и изображение на сосуде позволяют воздержаться от идентификации с вильчатыми наконечниками, применявшимися для охоты на мелкую дичь и птиц (Литвинский. 1965, с. 83, рис. 7, 47, 48, 87, рис. 9, 33, 90-91). Речь, скорее, должна идти о хуннских ярусных (двухъярусные, ступенчатые) наконечниках стрел, первоначально распространившихся в азиатском регионе, а позднее появившихся и в европейском (Засецкая.1983, с. 71, 72, рис. 1, 14-16, 76, рис. 3, 10-20, 77-78; 1994, с. 37, рис. 4, 14-17, 6, 10-20; Худяков,1986,с. 165, рис. 2, 1-2, 166; 1978, с. 31, 32, рис. 5, 14-20, 22-24, 26, 34, 40, рис. 8, I, 3, 47, рис. 14, 70, рис. 26, 70-71, 74, 85, рис. 34, 92, 93, рис. 36, 7-21, 96, 97, рис. 38, I, 3, 105, рис. 42, 11-112, 111, рис. 49, 6-10, 113, 114, рис. 50, 1, 116, рис. 51, I, 5, 124, рис. 56, 128, рис. 58, 8-12, 129-130, 133, рис. 61; Эбель. 1998. с. 13, 20; Никоноров, Худяков. 2004, с. 55-56, 57, рис. 9, 14-20, 22-24, 29, 94, рис. 17, 11, 95, рис. 18, 12, 139, рис. 26, 6, 15, 140). Что касается определения типа наконечника (Николаев, 1989, с. 89-91; Неверов, Мамадаков.1991, с. 121-135; Горбунов, 2006. с. 28-32; Матренин, Тишкин, Плетнева. 2014, с. 159, 160, рис. 4, 161, рис. 5, 1-12), то здесь, пожалуй, также следует воздержаться даже в попытке общей иденти-

фикации с широкими хуннскими или узкими южносибирскими наконечниками.

Что касается утверждения о том, что ярусные наконечники стрел являются этнографической чертой вооружения хунну, исключая их применение в инокультурной среде в период могущества их державы (Матренин, Тишкин, Плетнева. 2014), то оно не может распространяться на все известные случаи. Подобные наконечники в хуннских памятниках Забайкалья (Ильмовая Падь и др.) и Монголии (Ноин-Ула) датируются I в. до н. э. – I в. н. э., в Туве (Кокэльский могильник) относятся к I–II вв. н. э. Впоследствии они появляются в Средней Азии. Но отдельные экземпляры таких наконечников достаточно рано попадают и в Северное Причерноморье – погребение у с. Пороги второй половины I в. н. э. и погребение 120 Битакского могильника конца I–начала II вв. н. э. или первой половины II вв. н. э. (Трейстер. 1994, с. 185; Пуздровский. 2007, с. 138, 366, рис. 92, 14; Симоненко. 2008, с. 251; 2010, с. 99–100, 242, 97, рис. 68, 4; Раев. 2012, с. 189–190; Подушкин. 2012, с. 33, рис. 1, 14, 34, рис. 2, 22, 35–36, 43).

Данные примеры могут быть обусловлены не столько непосредственным ранним проникновением в Европу отдельных групп хуннского населения, сколько появлением ираноязычных групп, с которыми были связаны аланы, и которые находились в тесных контактах с хуннским миром еще в Азии (Симоненко. 2010а). Сами материалы косикского погребения несут на себе черты явной связи с южносибирским и среднеазиатским регионами, и далее вплоть до хуннских древностей (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993.; Скрипкин. 2010), а серебряные предметы из погребения, как и сосуды из кургана 28 могильника Высочино и кургана № 4 могильника Вербовский-II, являются образцами производства парфянских мастеров (Сергацков. 1994; Скрипкин. 1999.; Яценко. 2000; Раев. 2009; Симоненко. 2010.).

Исследователи отмечали, что трактовка рыб на пиксиде, типично греческой формы, имеющей серебряные прототипы с гравировкой, чеканкой и позолотой III–I вв. до н. э. (Трейстер. 1994, с. 179), и на серебряной чаше из Косики близка манере мастера, изготовившего железную пластину (одновременно матрица), плакированную золотой фольгой, которая служила украшением центральной части нагрудника, из комплекса вещей конца II–I вв. до н. э., найденного в поле кургана у с. Веселая Долина Тарутинского района Одес-

ской области. Данная пластина свидетельствует о времени сложения этого стиля (Редина, Симоненко. 2002, с. 79, 84, 89, рис. 1, 3; Симоненко. 2010, с. 213–214). Если мы сопоставим эти данные с появлением ярусных наконечников стрел у самих хуннов в конце I в. до н. э. – I в. н. э. (Матренин, Тишкин, Плетнева. 2014, с. 159) с вероятной синхронизацией погребений №№ 1 и 2 Косики (Туаллагов. 2012, с. 66), то, во-первых, изображения ярусных наконечников стрел будут фиксировать ранний этап их появления вообще, а погребение № 1, как и весь комплекс, будет тяготеть к рубежу н. э.

Гравированные изображения с частичной плакировкой золотом на пиксиде привлекают к себе особое внимание, в целом. Исследователи предположили, что изображения на серебряных предметах из погребения могли воспринимать мифы или эпические сказания, бытовавшие в сарматской среде (Трейстер. 1994). По поводу сюжета верхнего фриза на пиксиде было отмечено, что оно могло бы найти соответствие в иранской мифологии, как, например, изображение, выполненное в той же технике и покрытое золотом на серебряном кувшине из кургана 28 могильника Высочино VII (Нижний Дон) (Раев. 2012, с. 190).

На нижнем фризе пиксиды изображены птицы, на среднем фризе – рыбы, на верхнем – сюжет охоты лучника на птицу. На крышке пиксиды изображена розетка с завязью цветка в центре, что находит себе параллель в изображении свастикаобразного меандра на крышке другого сосуда из того же погребения. Подобное изображение отмечается на крышке пиксиды из Артоховского кургана (Трейстер, 1994). Анализ изображений на упомянутом сосуде из кургана 28 могильника Высочино VII показывает, что изображения растений могут быть связаны с образом Мирового Древа, которое, в свою очередь, связано с образом солнца, воплощенного в виде изображения розетки на крышке самого сосуда (Лукьяшко. 2000, с. 163–171; 2008, с. 58–61).

Таким образом, на фризах пиксиды представлены образы нижнего (подводного) мира – рыбы, среднего мира – сцены охоты, верхнего мира – древо-солнце. Вместе с тем, образ птиц на нижнем и верхнем фризах объединяет их как с нижним, так и со средним мирами. Единственной параллелью из Нартовского эпоса осетин для всего сюжета может служить сказание о том, как братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг, охраняя плоды волшебного дерева, ранили в крыло или печень Дзерассу, дочь подводного правителя

Донбеттыра, прилетающую обычно в образе домашнего или дикого голубя, или некой птицы с «железным клювом». Таким образом, первая встреча Ахсара (Ахсартага) с Дзерассой произошла у волшебного дерева нартов, от которого зависела их судьба. На нем росло золотое яблоко, исцелявшее от смерти. Дерево до полуночи цвело, а после полуночи приносило плоды. Несомненно, мы имеем дело с образом Мирового Древа (сравни косикское изображение розетки с цветочной завязью). В таком качестве образ яблони фигурирует и в осетинской волшебной сказке. В одном из вариантов нартовского сказания похитительницы прилетали с острова, расположенного посреди моря, что может служить отголоском представлений о первоначальном расположении волшебного дерева.

Следует отметить, исследователи уже предполагали, что изображения на другом косикском серебряном сосуде могли быть связаны с образами братьев осетинского эпоса (Урызмаг и Хамыц, Ахсар и Ахсартаг). Непосредственно с сюжетом о нартовском дереве сопоставлялись изображения на серебряном бокале из погребения рубежа н. э. из Кривой Луки, на пряжке из погребения IX в. могильника Казазово II, на бронзовой золоченой пластине Змейского могильника. Было также отмечено, что косикский сюжет на пиксиде типологически близок сюжету фрески из погребения знатного алана, видимо, тесно связанного с боспорскими династиями, в Горгииппии («склеп Геракла» II–III вв. н. э.) с изображением Геракла, стреляющего в стимфалийских птиц и ранящего одну из них (Кузнецов. 1980, с. 121–123; Яценко. 1992, с. 196; 1992а, с. 74; Трейстер. 1994, с. 185). Сюжет фрески связан с космогоническим мифом о борьбе пигмеев с журавлями. Возможно, отголосок последнего просматривается в изображениях царской аланской гробницы XI в. Кыфарского городища (Охонько. 1994).

Было предложено рассматривать общий сюжет на верхнем и нижнем фризах косикской пиксиды, как разворачивающийся снизу вверх, но в нижнем фризе, начиная с фигуры спокойно стоящей птицы, – слева направо, а в верхнем – справа налево (Раев. 2012, с. 189). В свете нартовского сказания данный подход представляется также вполне оправданным. Но следует полагать, что рассмотрение обоих фризов происходило за счет постоянного поворота пиксиды в одну и ту же стороны – слева направо, по часовой стрелке. В пользу

данного направления может указывать отмеченное сопоставление изображения розетки на крышке пиксиды с изображением свастикообразного меандра на крышке другого серебряного сосуда из погребения и на крышке пиксиды из Артюховского кургана. Они указывают на движение слева направо, т. е. по солнцу, подобно вихревой розетке из голов грифонов на фаларах и свастикам на фрагменте прорезной железной накладке из самого косикского погребения. При таком направлении движения, учитывая размеры пиксиды и изображений, перед глазами рассматривающего представало отдельное изображение, а каждое последующее естественным образом выходило на рассмотрение корпусом вперед.

В результате достигалась своеобразная «раскадровка» сюжета, который приобретал во время просмотра динамичное развитие. На нижнем фризе мы видим вначале спокойно стоящую птицу, потом птицу, приходящую в движение, – несколько поднимается шея, птицу, начинающую приподнимать крылья, птицу на начальной стадии полета, развернувшую крылья и поджавшую лапы. На этом завершается мультипликация (Раев Б. А., 2012.) процесса взлета птицы (вылет Дзерасы из подводного мира), и происходит переход к рассмотрению верхнего фриза, что облегчается появлением к тому моменту изображения летящей птицы с полностью расправленными крыльями и поджатыми лапами.

При последующем повороте мы видим целящегося в нее коленопреклоненного лучника (поза сидевшего в засаде Ахсартага, которому пришлось и подползать к дереву), затем птицу в самый момент ее ранения стрелой, затем вновь изображение лучника, подтверждающее «авторство» удачного выстрела. Следом идет изображение еще одной летящей птицы, завершающее просмотр всей истории.

Главная героиня сюжета становится жертвой, а затем, как свидетельствуют материалы Нартовского эпоса, супругой ранившего ее героя. Ее изначальный зооморфный образ может вновь проявляться в образе птицы, располагающейся за спиной ранившего ее лучника и завершающей весь сюжет. Тогда он не только возвращает нас к восприятию исходного образа, но и указывает на продолжение сюжета. Но образ последней птицы может указывать на него и в другом направлении.

По одному из вариантов сказания ищущий раненую героиню юноша доставляется на ее остров, на вершину горы, орлом. Потом орел

возвращает уже их двоих обратно, к подножию гор. По другому варианту, его приносит на огромный камень посреди моря, под которым находится вход в подводное царство, сокол, слетающий с вершин нартовских гор, а затем возвращающийся обратно. Возможно, именно такая птица и оказывается за спиной лучника на косикской пиксиде. Исследователи уже сравнивали гигантского орла, принесшего другого нарта Урызмага на морской остров, под которым находился вход в подводное царство, с грифоном (Абаева, 1985).

Нетрудно заметить, что в нартовском сказании представлены образы, восходящие к мифологическим образам Мирового Древа и Мировой Горы, с которыми тесно связан образ солнца, с образом мифологической горы ариев, воплощенной в образах Рип и Хара Березайти, с образами легендарных грифонов, стерегущих в горах золото, с образом священного острова посреди озера-океана Ворукаша, который охраняется рыбами и на котором произрастают древо Хаома Гард и древо Виспобиш. Все они неоднократно отмечались исследователями в отношении осетинского эпоса. В некоторых вариантах осетинского сказания над могилой братьев насыпается курган, а у их изголовья высаживается золотая яблоня. Таким образом, священное нартовское дерево вновь появляется уже в конце сказания, а его значимость подчеркивается образом кургана, напоминая об образах Мирового Древа и Мировой Горы.

Находка в мужском погребении такой «немужской вещи», как пиксида, сопоставимо с находкой корзины, в которой лежали зеркало, бальзамарий, шило и серебряная пиксида, в погребении 2-й пол. I в. н. э. знатного воина-сармата у с. Весняное. Причина появления такого «женского набора», по мнению исследователей, может быть двоякой: он символизировал «сопровождающую» покойника женщину, либо мы имеем дело с обрядом «передачи» на тот свет вещей, что прослежено этнографически (Симоненко А. В., 2012). В данной связи следует отметить, что недалеко от косикского мужского погребения располагалось и женское погребение. Исследователи полагают, что оба погребения могли составлять единый комплекс (Трейстер, 2005.; Зайцев, Мордвинцева, 2007.). Если это так, то серебряная пиксида, найденная *in situ* специально выставленной на кожаном предмете в мужском погребении, могла предназначаться для «передачи» ее женщине для «опознавания» друг друга в «ином мире». Тогда

семантика изображений на пиксиде могла бы экстраполироваться на образы самой погребенной пары как представителей социальных верхов общества, статус и союз которых мог восприниматься через соответствующие религиозно-мифологические представления.

Видимо, следует вспомнить, что в упоминавшемся космогоническом мифе о борьбе пигмеев с журавлями последние предстают именно в образе хищной птицы. Имя прародительницы пигмеев Герании восходит к индоевр. корню *-ger*. В данной связи рассматривается и название знаменитого скифского Герроса (Трубачев О. Н., 1987). Аналогичное происхождение имеет и осетинское название журавля. Собственно, и само имя Дзерассы, возводимое к *dzera* – «хищная птица» (Bailey H. W., 2003), раскрывает ее первоначальный облик. Таким образом, мы приближаемся к раскрытию образа птицы на косикской пиксиде, которую предположительно считают цаплей, пеликаном или грифоном (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993; Раев Б. А., 2012). Учитывая этот хищный и опасный образ волшебной птицы, можно понять, почему герой использует стрелу с ярусным, боевым наконечником.

Одновременно с изображением хищной птицы на пиксиде изображается и водоплавающая птица. В осетинском фольклоре отмечается и древний космогонический сюжет, сравнимый с хакасским мифом и сюжетом из «Калевалы», в котором главную роль играет утка (Боргояков М. И., 1984). Его истоки ищут в прафинно-угорском мифе (Напольских В. В., 1990.). Вместе с тем, изображения водоплавающих птиц неоднократно встречается в скифском искусстве, что связывают с аналогичным мифом миротворения в индоиранской религиозной традиции, в которой противопоставляются образы хищной птицы, олицетворяющей мир богов, и водоплавающей птицы, олицетворяющей «телесный, смертный мир». В таком качестве водоплавающая птица могла служить символом скифского прародителя Таргитая-Геракла (Раевский Д. С., 1977.). Данное толкование может быть приложимо и к изображениям на косикской пиксиде (Трейстер М. Ю., 1994.).

Изображенные на пиксиде птицы отличаются друг от друга только головами, что может указывать на единый образ персонажа. С учетом известной семантики водоплавающей птицы еще в скифской традиции вполне объяснимым становится тот факт, что именно такая птица изображена в момент вылета

из подводного царства и в «среднем мире» в момент ее ранения. Она становится добычей, а затем, как свидетельствуют материалы Нартовского эпоса осетин, супругой героя того мира. Изображения же двух первых хищных птиц на нижнем фризе могут раскрывать ее изначальный образ. Он может вновь проявляться в образе птицы, располагающейся за спиной ранившего ее лучника, образ которой завершает весь сюжет. Тогда он не только возвращает нас к восприятию исходного образа, но и указывает на продолжение сюжета.

Но он может указывать на него и в другом отмеченном направлении, касающемся отмеченного образа хищной птицы, на которой герой достигает входа подводного царства, а затем возвращается обратно вместе с супругой. «Горное окружение» этой хищной птицы, приносящей героев на морской остров соотносится с взаимосвязанными образами птицы и Мировой Горы, сохранившимися в осетинском эпосе, восходя к образам легендарных скифских грифонов, которые охраняли в горах золото (Дзищойты Ю. А., 1992; Туаллагов А. А., 2001, 2011). Отметим, что образ грифона неоднократно представлен в материалах косикского погребения (фалары, наконечник парадного пояса, пектораль).

Обращает на себя внимание и манера стрельбы изображенного на пиксиде лучника. Он, развернув фронтально корпус, держит лук «скифского типа» в правой руке, а оттягивает тетиву левой рукой, причем, заведенной за спину. Такая «манера стрельбы» явно противопоставлена естественной манере стрельбы конного лучника на серебряном сосуде, чей корпус уже и не имеет такого фронтального разворота, как на пиксиде. Предполагают, что на пиксиде изображена не сцена рядовой охоты, а какие-то ритуальные действия (Раев Б. А., 2012.). Такие ритуальные действия могли включаться в определенные религиозно-мифологические представления, посвящаться им и воспроизводить их. С учетом материалов осетинского эпоса в сюжете на пиксиде речь может идти о представлениях о священном браке первопредка и женского божества.

Возможно, для понимания семантики изображений на косикской пиксиде следует привлечь и некоторые другие параллели. Неоднократно обращалось внимание на связь определенных осетинских нартовских сюжетов с древним космогоническим мифом, который является наследием первобытной индоиранской религии (Кейпер Ф. Б. Я., 1986. ). Отмечалось, что, например, у скифов он, прежде всего,

был связан с их генеалогической легендой (Раевский Д. С., 1977; Полідович Ю., 1995.), яркой параллелью которой является осетинское нартовское сказание о склепе Дзерассы. (Абаев В. И., 1982.). Данное сказание, как и сказание о женитьбе нарта Хамыца, является, в свою очередь, своеобразным «дубликатом» сказания о Дзерассе и Ахсартаге.

Различные варианты космогонического мифа многократно повторяются в «Ригведе» Согласно первому, демоны Пани спрятали в скале Вала коров. Индра с Ангирасами или Марутами нашел тайник, пробив ваджрой скалу, и освободил коров (вместе с ними свет, богатство и т. д.). В некоторых вариантах героями событий становятся один Индра, Ангирас или Брихаспати с Ангирасами. Согласно второму, Индра убил змея Вритру, развалившегося на горе и запрудившего своим телом все реки. После убийства чудовища реки свободно потекли по земле. В Индии тема противоборства Индры и Вритры продублирована сказаниями о битвах Рамы с Раваной и Арджуны с демонами.

Возможно, оба ригведовских варианта восходят к единому, еще более древнему мифу. В «Ригведе» коротко говорится о том, что Вритру убил некий Трита. Индийский Трита функционально связан, как с огнем, так и с водой. В «Махабхарате» он один из трех братьев, а его имя отражает сакральный характер числа «три». Ближайшим аналогом ведийского Триты является иранский Трита. Хаома даровала Трите сыновей Урвахшаю и Керсаспа, последний из которых убил водного демона Гандарва. Другим аналогом Триты представляется Траэтона. Его главной заслугой, по «Авесте», стало убийство Ажи-Даххака и освобождение жен, семантически тождественных мифическим коровам. В «Шахнаме» в роли Траэтона выступает Феридун, уничтоживший змееголового Заххака. С образом Триты связывают образ богатыря Исрита, предка Рустама.

Недавно была предпринята интересная попытка сопоставления (Дарчиев А. В. 2008.) осетинского нартовского сказания об охоте Батраза на кабана с сюжетом «Ригведы» о схватке Индры с кабаном Эмуши, являющимся еще одним вариантом космогонического мифа. Для нас важно обратить внимание на отмеченное сопоставление эпизода броска Батразом при состязании лучников связки хвороста с выстрелом Индрой травой драбха, ассоциирующейся со стрелой с сотней наконечников и с тысячью перьев. Данное сопоставление, на наш взгляд,

подтверждается тем, что в подобном сюжете, замещающий Батраза Сауай, сын Кандза, бросает рукой непосредственно стрелы. В абхазском эпосе близкий мотив относится к Сасрыкуа, который затем спасает съеденных старухой братьев, которая сидит возле яблони. Другой параллелью стало сопоставление «неустойчивого положения Индры в момент стрельбы в кабана» с одним из положений Батраза.

Образ травы драбха неоднократно сопоставлялся с брасманами, воплощавшими собой сакральную огненную стихию, для которых, в свою очередь, отмечали параллели в скифской традиции, а также в традициях осетин. Брасманы усматривают в прутьях тагарского захоронения Медведка II, «савроматского» погребения на р. Илек, сопоставлявшихся с изображениями прутьев на пластине из Амударьинского клада, с деревом в руках богини на пазырыкском ковре [Смирнов К. Ф., 1964; Дмитриев А. В., 1984.; Кияшко В. Я., 1984; Чернопицкий М. П., 1987.]. С брасманами сопоставляют скифские прутья, использовавшиеся при сооружении алтарей Ареса, в культе которого проявляются черты почитания огня, или связок для казни-сожжения прорицателей (Бессонова С. С. 1990.). С пылающим священным огнем и брасманами сопоставляли (Кадырбаев И. К., 1984.), например, мощный слой веток над раннекочевническим погребением кург. № 9 могильника Бесоба в Южном Приуралье (сравни: Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2007.). У древних иранцев вместо брасманов могло использоваться оружие, а в скифском погребальном ритуале роль пучка брасманов мог выполнять пучок стрел (Андреев В. Н., Саенко В. Н., 1992.). Последнее наблюдение сопоставимо с отмечавшимся примером находки в сарматском погребении № 2 кургана № 1 могильника Октябрьский-V вместе с обкладкой жезла целого пучка стрел.

С учетом приведенных материалов можно поставить вопрос о возможной связи мотивов «неустойчивого положения» Индры и Батраза и необычного метания Батразом во время соревнования лучников с неестественной позой и манерой стрельбы лучника на косикской пиксиде. В отдельных вариантах сказания о яблоне нартов братьям-близнецам оказывается трудно разглядеть похитителя из-за внезапных вспышек света или спуска облака, некоего подобия тумана и т. п., что приводит к их дезориентации. Такая обстановка, как и необходимость, например, для Ахсартага подползти к дереву, может служить своеобразным вариантом «неустойчивости положения». Стрельба косикского лучника, такого же юного как Индра и Батраз, стрелой с ярусным наконечником не только напоминает образ стрелы со ста наконечниками Индры, но, учитывая идею воплощения в брасманах сакральной огненной стихии, и образ Агни, брата-близнеца Индры, воплощавшего священный огонь и представляющего в ведической традиции «трехголовым», чем символизировалось его соотнесение с тремя сферами мироздания. С точки зрения известного переноса мифологической структуры мира на социальную, свойственного, например, скифской традиции, интересно отметить, что в «Книге деяний Ардашира сына Папакка» предвестниками будущего царствования героя предстают три огня, олицетворяющие фарн и три основных сословия. Интересно, что на золотом браслете-наруче из косикского погребения, который мог быть изображен и на руках всадников на серебряном сосуде, представлены растянутые шкуры с оттиснутыми в их центре тушками баранов. Полагают, что они являлись символами «небесной благодати» (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993.), т. е. фарна.

## ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирystон, 1982. 106 с.
- Абаева З. В.* Легенды и сказания о происхождении скифов и нартов (истоки и параллели) // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. XXVII / Отв. ред. Б. В. Техов. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 117–130.
- Андреев В. Н., Саенко В. Н.* О семантике стрел в скифском погребальном обряде // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Сборник научных трудов. Т. III. Запорожье. 1992. С. 157–162.
- Бессонова С. С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины / Отв. ред. В. М. Зубарь. Киев: Наукова думка, 1990. С. 17–40.

*Боргояков М. И.* Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири / Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1984. С. 172-184.

*Горбунов В. В.* Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006. 232 с.

*Дарчиев А. В.* Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 308 с.

*Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. №3. 141-179.

*Дмитриев А. В.* Поселение майкопской культуры на Мысхако // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Майкоп, 1984. С.32-33.

*Дзиццойты Ю. А.* Нарты и их соседи. Владикавказ: Алания, 1992. 279 с.

*Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 319-358.

*Засецкая И. П.* Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV-V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Межвузовский научный сборник / Отв. ред. А. С. Скрипкин, Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. С. 70-84.

*Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.: АО «Элипс. ЛТД», 1994. 224 с.

*Кадырбаев И. К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М: Наука, 1984. С. 84-93.

*Кейпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. 196 с..

*Кияшко В. Я.* Семантика молоточковидных «булавок» // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Майкоп, 1984. С. 33-35.

*Кияшко А. В., Мыськов Е. П.* Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев / МИА Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 46-60.

*Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.

*Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75-91.

*Лукьяшко С. И.* О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 163-172.

*Лукьяшко С. И.* Древнеиранский космогонический сюжет на серебряном кувшине из сарматского погребения у г. Азова // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.-Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2008. С. 58-61.

*Матренин С. С., Тишкин А. А., Плетнева Л. М.* Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужуанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Т. 2. № 4 (84) / Отв. ред. И. Н. Липинская. Барнаул, 2014. С. 154-164.

*Мыськов Е. П., Кияшко В. Я., Скрипкин А. С.* Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. С. 149-167.

*Напольских В. В.* Миф о возникновении земли в приуральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. № 1. 1990. С. 65-74.

*Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т.* Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, С. В. Цыб. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1991. С. 121-135.

*Николаев Н. Н.* К методике изучения ярусных наконечников стрел // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Тезисы докладов региональной научной конференции / Отв.ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Тюменский государственный университет, 1989. С. 89-91.

*Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Филоматис, 2004. 320 с.

*Охонько Н. А.* Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в. Сборник. Музейные раритеты. Кн. 1. Ставрополь: АРС-дизайн, 1994. С. 3–35.

*Подушкин А. Н.* К этнической истории государства Кангюй II в. до-I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // *Stratum plus*. 2012. № 4. С. 31–53.

*Полідович Ю. Б.* Образ хтонічної істоти, що живе у печері в Скіфському Логосі Геродота // Наукова конференція: Скелі й печери в історії та культурі стародавнього населення України (Львів, 2-3 лютого 1995 року): Збірник тез повідомлень та доповідей. Львів, 1995. С. 78–80.

*Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э.-III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

*Раев Б. А.* «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2009. С. 269–271.

*Раев Б. А.* Серебряный сосуд из с. Майкор (Пермский край) // Археология Арктики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 188–192.

*Раев Б. А.* К интерпретации редких типов наконечников стрел из Новолабинского могильника // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. М.: ИИМК РАН; «Периферия», 2012а. С. 384–389.

*Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 216 с.

*Редина Е. Ф., Симоненко А. В.* «Клад» конца II-I в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы по истории и археологии Кубани. Вып. 2. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. С. 78–96.

*Сергацков И. В.* Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории: Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993 г. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1994. С. 19-30.

*Симоненко А. В.* Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2008. С. 238–286.

*Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.

*Симоненко А. В.* «Гунно-сарматы» (К постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2010а. С. 392-402.

*Симоненко А. В.* Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. / Отв.ред.? Киев: КНТ, 2012. С. 207–226.

*Скрипкин А. С.* Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ. 1999. С. 123–136.

*Скрипкин А. С.* Сарматы и Восток: избранные труды. К 70-летию автора. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2010. 370 с.

*Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 375с.

*Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.

*Трейстер М. Ю.* Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 322–330.

*Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. \*kank-uta- a gruibus fugatos/pulsos` // Античная балканистика / Отв. ред. Л. А. Гиндин. М.: Наука, 1987. С. 119–124.

*Туаллагов А. А.* Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2001. 315 с.

*Туаллагов А. А.* Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. 271 с.

*Туаллагов А. А.* К исторической интерпретации материалов Косикского погребения (некоторые вопросы историографии) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13 / Отв. ред. П. В. Соков. Армавир-Краснодар, 2012. С. 60–72.

*Худяков Ю. С.* О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. С. 164–169.

*Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 268 с.

*Чернопицкий М. П.* Майкопский «балдахин» // КСИА. № 192. М.: Наука. 1987. С. 33–40.

*Эбель А. В.* Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

*Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В.* Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2007. № 2. С. 55–62.

*Яценко С. А.* Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С. 189–214.

*Яценко С. А.* О преемственности мифологических образов ранних и средневековых алан // Проблемы этнографии осетин Вып. 2. / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: Издательство «ОС», 1992а. С. 64–81.

*Яценко С. А.* Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4. С. 186–204.

*Bailey H. W.* Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских исследований: Эпос, Мифология и Язык. Vol. II. № 1-2 / Отв. ред. Ф. Корнийо, В. Гусалов. Владикавказ-Париж: Проект-Пресс, 2003. P. 7–40.

### **Информация об авторе:**

**Туаллагов Алан Ахсарович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания; alan167@mail.ru

## **THE INTERPRETATION OF A MOTIF ON A SILVER PYXIS FROM A KOSIKA BURIAL**

**A. A Tuallagov**

The article features an analysis of a motif on a silver pyxis discovered in a burial near Kosika village. The burial could be related with the wave of migrants from Asia of the Alan circle which was established in the east in close contact with the Hun world. This situation is indicated by burial materials as well as images on toreutic items. The author interprets the image on a pyxis on the basis of Indo-Iranian mythology and the Ossetian Nart sagas.

**Keywords:** archaeological data, Alans, Indo-Iranian mythology, Ossetian Nartian sagas.

### **About the Author:**

**Tuallagov Alan A.** Doctor of Historical Sciences, Leading Research Scientist of V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania; alan167@mail.ru

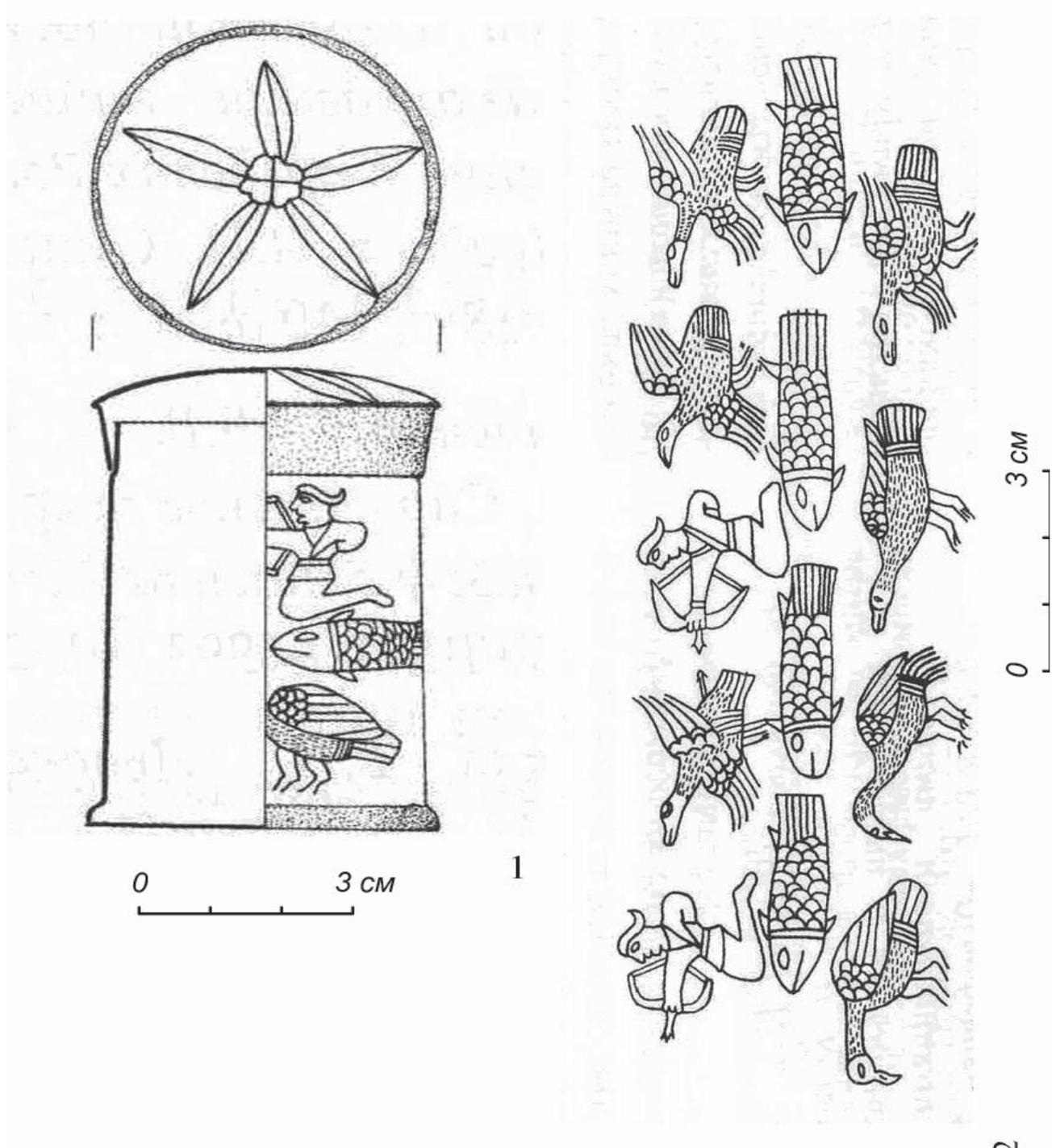


Рис. 1. Серебряная пиксида из Косикского погребения.  
 1 – рисунок Н.Е. Беспаловой; 2 – развертка изображения по Раеву Б.А. 2012.